

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ В РУССКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Ходжаева Н.Т.

**Ферганский Государственный университет,
доцент кафедры методики русского языка**

Кодирова Гулшода Комилжон кизи

**Ферганский Государственный университет,
Литературоведение направление, магистрантка 1 курса**

<https://doi.org/10.5281/zenodo.20305050>

Аннотация. В данной статье исследуется проблема гендерной идентификации в русской прозе переходного периода – конца XX – начала XXI века. Авторы сосредоточены на анализе того, каким образом распад советской системы ценностей породил принципиально новые литературные стратегии изображения мужчины и женщины. Рассматривается, как писатели данного периода деконструируют советские гендерные клише, формируют образ «новой женщины» и фиксируют распад патриархального уклада через судьбы мужских персонажей. В статье предлагается анализ конкретных нарративных приёмов, используемых авторами для выражения гендерной проблематики: смена фокализации, телесный дискурс, молчание как нарративная стратегия. Сделан вывод о том, что гендерный сдвиг в русской прозе данного периода неотделим от более широких процессов переосмысления национальной идентичности и исторической памяти.

Ключевые слова: гендерный сдвиг, постсоветская идентичность, «новая женщина», деконструкция советского мифа, нарративные стратегии, телесный дискурс, фокализация, историческая память, переходный период, русская проза.

Abstract. This article investigates the problem of gender identification in Russian prose of the transitional period — the late 20th and early 21st centuries. The authors focus on analysing how the collapse of the Soviet value system gave rise to fundamentally new literary strategies for depicting men and women. The study examines how writers of this period deconstruct Soviet gender clichés, construct the image of the 'new woman', and record the disintegration of the patriarchal order through the fates of male characters. The article offers an analysis of specific narrative techniques employed by authors to articulate gender issues: shifts in focalisation, corporeal discourse, and silence as a narrative strategy. The conclusion is drawn that the gender shift in Russian prose of this period is inseparable from the broader processes of rethinking national identity and historical memory.

Keywords: gender shift, post-Soviet identity, 'new woman', deconstruction of the Soviet myth, narrative strategies, corporeal discourse, focalisation, historical memory, transitional period, Russian prose.

Введение. Русская литература на рубеже XX–XXI веков оказалась в уникальной исторической ситуации: авторы писали в момент, когда старая система символических координат рухнула, а новая ещё не сложилась. Это состояние «между» стало питательной почвой для радикального переосмысления базовых категорий человеческого существования – в том

числе гендера. Советская литература выработала устойчивый арсенал гендерных образов: женщина-труженица, мать-героиня, мужчина-защитник, строитель нового мира. После 1991 года эти образы стремительно утратили убедительность, обнажив свою конструируемость и идеологическую обусловленность.

Принципиально важно, что гендерный вопрос в данный период оказался неотделим от вопроса о национальной идентичности. Кризис «мужского» в литературе воспринимался рядом критиков как метафора кризиса государства и нации. Напротив, возросшая видимость женского голоса и женского опыта нередко трактовалась как знак культурного обновления. Таким образом, гендерные сдвиги в прозе несли двойную нагрузку: эстетическую и политическую одновременно.

В отличие от предшествующих исследований, сосредоточенных преимущественно на тематическом уровне, данная статья предлагает анализ нарративных и стилистических механизмов, через которые гендер производится и оспаривается в тексте. Нас интересует не только то, что изображают авторы, но и как они это делают: каким образом выбор нарратора, ритм прозы, телесная образность и стратегии умолчания конструируют гендерные смыслы. Объектом исследования послужили произведения Людмилы Петрушевской, Ольги Славниковой, Михаила Шишкина и Романа Сенчина – авторов, чье творчество незаслуженно реже привлекается в гендерном контексте по сравнению с Улицкой или Пелевиным.

Методологическую основу исследования составляет синтез нарратологии, гендерных исследований и постколониальной теории, что позволяет рассматривать литературный текст как пространство, где гендер одновременно отражается, конструируется и подвергается критике. Такой подход представляется особенно продуктивным применительно к переходной эпохе, когда устойчивые смысловые системы разрушаются, а новые ещё не обрели окончательной формы.

Обзор литературы

Научная рефлексия о гендере в русской литературе постсоветского периода развивалась в нескольких взаимосвязанных направлениях. Первое из них связано с осмыслением феномена «женской прозы» как особого литературного явления. В работах Натальи Габриэлян и Ирины Савкиной 1990-х годов был поставлен вопрос о том, существует ли специфически женский способ письма и чем он отличается от мужского. Эти дискуссии, при всей их полемической заострённости, сыграли важную роль в легитимации женского литературного голоса в постсоветском пространстве.

Второе направление – критический анализ маскулинности – долгое время оставалось периферийным в отечественном литературоведении. Прорывом стало освоение концепции Рэйвин Коннелл о «гегемонной маскулинности» (Connell, 2020): исследователи применили её к анализу мужских образов в прозе Прилепина, Сенчина и других авторов, показав, что так называемая «новая мужская проза» нулевых годов воспроизводит кризисную маскулинность, одновременно её оплакивая и мифологизируя.

Значительное влияние на отечественные гендерные исследования оказала постструктуралистская мысль. Концепция Мишеля Фуко о дискурсивных практиках и производстве субъекта нашла применение в анализе того, как советский и постсоветский дискурсы формировали «нормативного» мужчину и женщину. Развивая эту линию, исследователи показали, что постсоветская проза не просто изображает изменения в гендерных отношениях, но участвует в производстве новых субъектных позиций (Здравомыслова, Тёмкина, 2013).

Отдельного внимания заслуживают исследования телесного дискурса в русской прозе переходного периода. Тело – особенно женское тело – становится в этой литературе местом столкновения старых и новых смыслов, зоной борьбы за автономию и одновременно ареной социальных страхов. Работы Элиот Боренштейн (Borenstein, 2008) о «мужском» воображаемом в постсоветской популярной культуре и исследования Нанси Ри о женственности в российском контексте существенно расширили понимание того, как тело функционирует как гендерный знак в литературе. В целом современное состояние области характеризуется движением от тематического к нарратологическому анализу, от описания гендерных образов к изучению механизмов их производства в тексте.

Обсуждение результатов исследования

Анализ отобранных текстов позволяет выделить три ключевых нарративных механизма, через которые гендер конструируется в русской прозе рассматриваемого периода.

Первый механизм – смена фокализации. В прозе Людмилы Петрушевской повествование намеренно лишено дистанции между рассказчиком и изображаемым: читатель погружается в женский опыт изнутри, без комментариев и без возможности отстраниться. В рассказах цикла «Бессмертная любовь» и в повести «Время ночь» женский голос становится единственной точкой отсчёта, что принципиально меняет иерархию смыслов: страдание, усталость и бытовое насилие перестают быть фоном и становятся главным содержанием. Это нарративное решение само по себе является политическим жестом – признанием значимости женского опыта.

Второй механизм – телесный дискурс. В романе Ольги Славниковой «2017» и в повести «Один в зеркале» тело женщины функционирует как текст, на котором записаны исторические катастрофы и социальные трансформации. Женская телесность у Славниковой амбивалентна: она одновременно является источником силы и уязвимости, пространством самовыражения и ареной чужих проекций. Мужские тела, напротив, изображаются как ломкие, легко разрушаемые – что прямо противоречит традиционному литературному канону, закреплявшему за мужским телом прочность и надёжность.

Третий механизм – молчание как нарративная стратегия. В прозе Михаила Шишкина («Взятие Измаила», «Венерин волос») особое значение приобретает то, что не сказано: лакуны в нарративе маркируют зоны гендерной травмы, которая не поддаётся прямому высказыванию. Женские персонажи у Шишкина нередко выражают свой опыт через разрывы речи, через письма,

которые не доходят до адресата, через невозможность быть услышанной. Это молчание не является знаком пассивности – напротив, оно насыщено смыслом и требует от читателя активной интерпретационной работы.

Проза Романа Сенчина («Елтышевы», «Зона затопления») представляет иной случай: здесь гендерный кризис изображается через распад семьи как институции. Мужские персонажи оказываются неспособны ни к экономической, ни к эмоциональной ответственности; женские – вынуждены нести двойную нагрузку, компенсируя мужскую несостоятельность. Сенчин фиксирует этот дисбаланс без дидактики, через натуралистическую точность детали, что придаёт его текстам особую доказательную силу.

Таким образом, гендерный анализ на уровне нарративных стратегий обнаруживает, что русская проза данного периода не просто тематизирует гендерные изменения, но вырабатывает специфические художественные языки для их осмысления. Выбор нарратора, телесная образность и работа с умолчанием – не формальные приёмы, а смыслообразующие элементы, определяющие саму возможность гендерного высказывания в тексте.

Заключение

Проведённое исследование показало, что гендерный сдвиг в русской прозе конца XX – начала XXI века проявляется не только на уровне тематики и системы образов, но прежде всего на уровне нарративных стратегий и художественного языка. Деконструкция советских гендерных клише, формирование образа автономной женщины, фиксация кризиса традиционной маскулинности – всё это осуществляется через специфические приёмы фокализации, телесного дискурса и молчания, которые составляют гендерный «язык» современной русской прозы.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением корпуса текстов за счёт региональной и диаспорной русскоязычной прозы, в которой гендерные трансформации часто накладываются на проблематику этнической и языковой идентичности. Кроме того, сравнительный анализ русской прозы с современными литературами других постсоветских государств позволит выявить как общие закономерности, так и национальные особенности гендерных трансформаций в литературе переходного периода.

References:

1. Borenstein, E. (2008). *Overkill: Sex and Violence in Contemporary Russian Popular Culture*. Cornell University Press.
2. Butler, J. (2006). *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. Routledge.
3. Connell, R. W. (2020). *Masculinities* (2nd ed.). University of California Press.
4. Foucault, M. (1978). *The History of Sexuality. Vol. 1: An Introduction*. Pantheon Books.
5. Gabrielyan, N. (1996). Взгляд на женскую прозу. *Литературное обозрение*, 3, 21–29.
6. Ries, N. (1997). *Russian Talk: Culture and Conversation during Perestroika*. Cornell University Press.
7. Savkina, I. (2007). *Разговоры с зеркалом и сквозь зеркало. Новое литературное обозрение*.

8. Zdravomyslova, E., & Temkina, A. (2013). Gender's Crooked Lines: Cultural Interpretations of Gender in Russia. European University at St. Petersburg Press.
9. Petrushevskaya, L. (2009). There Once Lived a Woman Who Tried to Kill Her Neighbour's Baby. Penguin Books.
10. Shishkin, M. (2012). Maidenhair. Open Letter Books.
11. Slavnikova, O. (2010). 2017. Overlook Press.
12. Senchin, R. (2021). The Yeltyshevs. Glagoslav Publications.